

Прощайте! Уходим с порога,
Над старой судьбой не
вольны,
Кончается наша дорога -
Дорога пришедших с войны.

Прощайте! Со временем
вместе
Накатом последней волны
Уходим дорогою чести,
Дорогой пришедших с войны.

Уходим. Над хлебом
насушным -
Великой Победы венец.
Идем, салютуя живущим
Разрывами наших сердец.

Эти стихи поэт посвятил Михаилу Луконину. Сегодня они звучат, как собственное прощание с нами Михаила Дудина. В последние часы 1993 года его не стало.

Угитильское газ. - 1994. - 25 сент. (№4). - с. 24.

Т. БУДАНОВОЙ

У меня не смертельная рана!
Я еще доползу до огня.
Улыбаются мальчик с экрана,
Бесподобно играя меня.

Добреду, опираясь о стену,
До палатки с кровавым крестом.
Зал внимательно смотрит не сцену,
В жизнь мою на ходу холостом.

Жизнь моя мельтешит и мелькает
И у смерти висит на краю.
Удивляюсь, откуда он знает
Обожженную душу мою.

Я совсем отвергаю досаду
И клопиный ее непокой.
А свою игрою награду
За меня перехватит другой.

С голубого экрана без грима
Он сойдет через десять минут.
И девочки в бездумье игриво,
Спотыкаясь, за ним побегут.

Он пройдет, на меня непохожий,
Улыбаясь загадочно мне:
Дескать, шире дорогу, прохожий,
Отойди и постой в стороне.

Что ж, толкайся, но только не шибко.
Торопись, но спешить погоди.
Где-то есть в моей жизни ошибка,
Не споткнись о нее впереди.

И не хмурь недовольного взгляда,
Непокорный вихор теребя.
Не играй меня, мальчик, не надо!
Я и сам доиграю себя.

Время Михаила Дудина

Кровь хлынула горлом...
Потом была операция. Операция удачная. По уверениям авторитетных врачей, очень удачная. Вскоре после операции положение стало катастрофическим.

Видно, в такую пору мы вступили, когда после удачных, а особенно после очень удачных операций мы неотвратимо приближаемся к катастрофе.

31 декабря остановилось сердце. Время, отпущенное судьбой Михаилу Александровичу Дудину, останавливалось не раз. И он замечал эти остановки...

«Был белой ночи зыбкий облик тих. Был только миг. И этот миг мгновенный, в миг озарения, ради нас двоих часы остановились во Вселенной».

Время останавливалось, когда погибали фронтовые друзья, те, с кем только что ел из одного котелка, останавливалось вместе с часами в Ленинке, разом замершими в ужасе от первого же чудовищного подземного толчка, останавливалось, когда выдохом из глубины души рождалась последняя строка поэмы, и казалось, что на новый вдох уже не достанет сил.

Но родниковая сила его души собирала остановившемуся времени новую энергию, энергию жизни, обращаясь в слово, в поступок, в книгу. «Котелок» - название первого сборника стихов, рожденных в окопах, в блиндажах, в снегу, под огнем...

Еще спасатели разбирали завалы в поисках живых и мертвых, а гонорар за новую книгу был перечислен полностью на строительство новой школы в Ленинке...

Там, где время остановилось для сотен тысяч ленинградцев, с каменных стел мемориальных кладбищ его словами мы чтим память тех, кто отдал жизнь в непокоренном городе...

«Подвигу твоему Ленинград» - его слова на обелиске на Средней Рогатке у входа в город.

В фонд строительства мемориала он первым перечислил гонорар за

книгу «Песня Вороньей горё».

«Воронья гора, Воронья гора! Пора мне с тобой расквитаться, пора!»

«Кольцо Славы» на подступах к городу, увековечившее подвиг защитников Ленинграда, это тоже и его детище.

Огромная личная библиотека уже лет пятнадцать как отправлена в университет города Иванова, сотни книг разосланы в библиотеки школ и детских домов.

Десяти лет он был другом и надежной опорой неумолимого С.С.Гейченко, всех, кто сберегал Святыне Пушкинские горы.

Он терпеть не мог казенщины, и поэтому никогда не пользовался услугами секретарей, положенных ему в пору депутатства в Верховных Советах. Письма и обращения к «властителям судеб» он писал сам, своей рукой на депутатском бланке. Если бы остались копии этих писем, из них можно было бы составить изрядный том, может быть, и не один, свидетельствующий о неразрывности веры и дела и о легкости, с которой он готов был прийти на помощь по первому зову, а то и не дожидаясь его.

«Зима моей душе под стать, она заботой душу греет: как больше радости достать и раздарить ее скорее».

В бытность свою секретарем Ленинградской писательской организации он единственный выступил в защиту фильма «Первороссияне», снятого по поэме Ольги Берггольц.

Фильм весь целиком лежал за рамками ординара соцреализма и вызвал яростный гнев высшего партийного начальства, гнев, размноженный лаем угодливых критиков. За непокорство Дудин поплатился своим постом, но те, кто мстил ему, «учил», даже не подозревали, каким санитарным кордоном бесчестных юмористических безделок ограждает себя законопослушный гражданин от тех, кто посягает на его душу. Экспромты и эпиграммы Дудина разлетались по городу едва ли не быстрее, чем сообщения ТАСС.

«Если грянет юбилей, на юбиляра лютуют елей, а я на этот раз хочу на юбиляра лить... молчу!»

«А тех, кого мы величали и прославляли все года, похоронили без печали и позабыли навсегда!»

Поэт - это не только профессия, это не только сумма стихотворных строк, это еще и форма жизни.

Время, текучее, ускользающее, неуловимое, вдруг обрывающееся, то несущееся вскачь, оно ищет форму, в которой могло бы обрести определенность, доступную осмыслению; подлинный поэт - это еще и непременно форма времени, время, обретшее голос, пластику, страсть.

Возвышенная природа поэзии поднимает и самого поэта, делает его видимым, обозримым для современников и потомков, его голос, обличье, судьба как бы уже не имеют права на будничность, они становятся в нашем восприятии символом, образом, знаком.

Жизнь Михаила Александровича Дудина 31 декабря 1993 года не оборвалась, не угасла, она завершилась, обозначенная трагической исчерпанностью даты, как завершается большое, глубоко осмысленное талантливое произведение.

У него не осталось капитала, наследники не будут спорить из-за дачи и машины, которых попросту нет, он отказался и от кладбищенского особняка в Санкт-Петербурге, положенного ему по рангу и любви, выбрав деревенский погост на родине, место рядом со своей матушкой.

Он был человеком своего времени, и он сумел придать этому времени черты благородства и достоинства. Но время кончилось, ушла жизнь, с которой он был связан одному ему ведомым великим числом нитей и связей...

...Нынешней осенью на встрече с русскоязычными писателями Иерусалима нас, делегацию российских писателей, прибывших в составе миссии «Истоки», спрашивали прямо в лоб: когда вы наконец избавите русскую литературу от имперских замашек? Когда русская литература избавится от греха учителя и нравственного водительства? Когда русская литература займется наконец-то собственными проблемами, оставив общественную жизнь политикам и социологам?

Новые же времена на дворе, а вы, дескать, никак этого понять не можете!

В искренней заботе о нашем же благе на нас смотрели даже не с укором, а с сочувствием и состраданием, как смотрящий пассажиры бизнес-класса на не умеющих вкусить прелести цивилизации. Незадолго до поездки я видел Михаила Александровича и тут вспомнил его редкостную находчивость, удивительный та-

лант на меткий и острый экспромт, меткая шутка в подобных беседах стоит длинных речей! Уж он бы мог ответить на приглашение в цивилизованный мир, где литература может быть свободной от нравственности, а общественная жизнь должна вызывать лишь скептическую гримасу у настоящего писателя. Да, собственно, он и ответил, ответил всем своим творчеством...

«Поэзия! Вселенной совесть! Идя на плаху и под нож, ты, о себе не беспокоясь, миров гармонией живешь».

Именно тех, кто значился - числился - состоял - избирался - участвовал, призывают остаток жизни посвятить покаянию и ревизии всего, что составляло содержание и смысл жизни. Но люди во все времена жили разной жизнью, и смысл жизни каждый видел по-своему.

Дудин империалист? Ну конечно!

Его империя обширна и многолика, сотни переводов с армянского, английского, балкарского, башкирского, болгарского, грузинского, еврейского, итальянского, кабардинского, манси, молдавского, сербского, словацкого, украинского, шведского, финского, его удивительная способность проникнуть не только в музыку чужой речи, но и услышать голос чужой души позволили ему покорить огромные пространства. А иногда, читая переводы Дудина, кажется, что он просто находит свои стихи, написанные кем-то на другом языке, и возвращает их себе, будь это 66-й сонет Шекспира или «Моя молитва» Бараташвили.

Тоталитаризм поэта Дудина очевиден! Читая его собственные стихи и переводы, читая его певучую живую прозу, иногда ловишь себя на мысли о том, что его поэтическая кровяная система тяготеет к замкнутым пространствам, она стремится к экспансии, пронизывая жизнь в ее великом и малом, и сам земной шар вполне умещается в заботливых и бережных ладонях поэта.

Он умер в разгар работы над переводами Абая, его друзья-казахи пришли к гробу поэта со словами признательности и благодарности за труд созидания человеческого братства.

Он лежал с просветленным лицом, унося с собой еще одну тайну неповторимой жизни, тайну человеческого духа...

На панихиде в просторном зале я совсем не видел молодых лиц, старый лес, без долинок. Почему здесь нет молодежи? Может быть, он отстал? От его песен «не балдеют», в его стихах не «ловят кайф», он не воспел пляжи и отели на экзотических курортах, круизные вояжи вокруг да около Европы и Австралии, куда ежедневно заманивает телевизор, он не вколачивал в сознание своих со-

граждан образ потребителя товаров высшего качества, не подхлестывал упоение приобретать, потреблять, копить и получать самые высокие проценты.

Грех в нищей, обобранной, разоренной стране, где каждый день по-прежнему снижается производство, но растет торговый капитал, бранить цивилизацию потребления.

Но его идеалом был человек, труженик и созидатель, а сегодня не труженик, не созидатель, а потребитель, рантье - идеал нового общества. 300% годовых - это и есть та «спасительная истина», мечта человечества, к которой так долго и мучительно тянется растерянный мир?

«И жил поэт, на мир не сетуя, и в суете обычных дел всего себя, как песню спетую, легко раздаривать умел».

Неужели человек дарящий не выше, не богаче самого уважаемого потребителя?

Собрание его стихов чем-то похоже на записную книжку, где в посвящениях проходит бесконечная череда друзей. Он любил дарить стихи.

Он любил читать стихи, умел их читать, читал мастерски, в его манере, открытой и торжественной, всегда был праздничный артистизм. И голосом, и жестом он напоминал: стихи - дело не будничное, и жизнь, запечатленная в его строке, была сугубой, поучительной и удивительно интересной, вел ли он речь о предательстве: «Мне изменил старинный друг. Стал уже круг. Стал крепче круг», или о такой обычной вещи, как тишина: «...И каплю обронила тишина в фаянсовое блюдце сыроежки...»

Он замечательно читал свои стихи, но кто их будет читать сегодня, завтра?

Смешно, хотя и модно, брать на себя роль пророка и предсказывать, что будет читать в двадцать первом веке. Но и в двадцать пятом, и в тридцатом, и в тридцать первом веке ценности своего духовного мира, духовного мира своих друзей и современников, ценности, защищенные солдатом Дудиным, воспеты поэтом Михаилом Дудиным и утвержденные делами гражданина Дудина Михаила Александровича, не упадут в цене, не полекнут. Утратив человеческое лицо, нам просто не выжить.

«Мне рая не оставили в наследство.
И я другим не обещаю рай.
Что хочешь делай:
Милуй иль карай,
Душа моя здесь расточала свет свой».

Михаил КУРАЕВ

Читайте в следующем номере:

Продолжаем публиковать отрывки из готовящейся к выходу в свет книги писателя и педагога Вадима Левина о том, как приобщить самых маленьких детей к поэзии.

«Секрет для всех желающих» привлечет, быть может, внимание к новинкам альтернативного образования.

Моя любимая мама...

Разговор пойдет о проблемах взаимоотношений детей и родителей.

А в рубрике «Детское чтение для сердца и разума» - сказки прекрасного поэта, прозаика и драматурга Евгения Клюева.